МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

ЧЕРТЫ ИЗЪ ЖИЗНИ ПРЕОСВЯЩ. МИХАИЛА, МИТРОПОЛИТА НОВОГОРОДСКАГО И С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО.

(Сообщено.)

Кому изъ современниковъ не извѣстна благочестивая, жизнь сего кроткаго Пастыря и Учителя, когда онъ вызванъ былъ изъ Черниговской Епархіи въ С.-Петербургъ на высшій степень Іерарштества? Но смиренное его правленіе Черниговскою паствою, гдѣ онъ не малое время обращался съ подчиненными, какъ чадолюбивый отецъ съ своимъ семействомъ, можетъ быть, не коснулось слуха тѣхъ, которые съ благоговѣніемъ чтутъ память его.

По прибытіи въ Черниговскую Епархію, онъ прежде всего поспѣшилъ обозрѣть ее и ознакомиться съ симъ Малороссійскимъ краемъ: почему, не смотря на зимнее время, объѣхалъ большую часть оной одинъ, безъ Архіерейской свиты, въ простыхъ саняхъ; вездѣ сдѣлалъ свои замѣчанія, и потомъ не замедлилъ составить новыя распоряженія къ улучшенію, гдѣ что нужно.

Образъ жизни его всегда былъ простъ.

Онъ любилъ, чтобы всѣ, имѣющіе въ немъ нужду, особенно бѣдные и несчастные, приходили къ нему въ назначенное время каждаго дня прямо безъ доклада. Однихъ изъ нихъ увѣщевалъ и примирялъ какъ пастырь и отецъ, другихъ утѣшалъ, какъ истинный другъ, инымъ дѣлалъ щедрое вспоможеніе.

Обращеніе его со служителями своими было также кротко и снисходительно. Имѣя обыкновеніе всегда вставать въ ночное время для молитвы и занятія, онъ никогда не тревожилъ келейниковъ для какой-либо услуги, но самъ высѣкалъ огонь въ спальнѣ своей и занимался покойно Епаршескими дѣлами.

По приказанію его, монашествующіе и послушники его дома и каждый Архіерейскій пѣвчій, большой и малолѣтный, и штатные служители являлись къ нему въ день имянинъ своихъ, коимъ онъ дѣлалъ приличные наставленія къ благоправію, — и награждалъ книжками, или образочками, а нѣкоторыхъ дарилъ и деньгами.

При обыкновенныхъ прогулкахъ имѣлъ особенное удовольствіе разговаривать съ бѣдными, больными и угнетенными несчастіями. Иногда отъискивалъ даже домы ихъ, и облегчалъ ихъ участь утѣшительною бесѣдою или вспоможеніемъ, смотря по нуждѣ каждаго. Не рѣдко останавливалъ юныхъ дѣтей, и разговаривалъ съ ними, соображаясь съ ихъ дѣтскимъ понятіемъ. Доселѣ еще воспоминаютъ тамъ объ немъ, какъ объ Ангелѣ-утѣшителѣ.

Нѣкогда, по прибытіи его въ каѳедральный соборъ для священнослуженія, доносятъ ему, что забыта его мантія. Онъ, услыша о семъ, ни мало не смутился, вошелъ въ соборъ въ рясѣ и совершилъ литургію. (Также и въ другихъ подобныхъ случаяхъ всегда былъ равнодушнымъ). Впрочемъ по окончаніи службы напомнилъ ризничему, чтобы онъ впредь былъ рачительнѣе въ исправленіи своей должности.

Во время несчастнаго случая, когда совершалъ *Архіепископъ сей* Божественную службу въ домовой своей церкви, донесли ему, что церковь сія загорѣлась. Отъ сего всѣ бывшіе съ нимъ встревожились и пришли въ страхъ. Но онъ, видя близкую опасность (ибо искры сыпались надъ головою его съ потолка), съ неимовѣрною неустрашимостію и твердостію духа продолжалъ совершать литургію — и довершилъ. Послѣ сего онъ церковь сію и весь Архіерейскій домъ возобновилъ и

украсилъ гораздо въ лучшемъ видѣ, нежели они были прежде; также и Семинарскій домъ возобновленъ и обстроенъ его трудами и попеченіемъ.

При всѣхъ заботахъ и попеченіяхъ объ Епархіи онъ всегда имѣлъ въ умѣ своемъ память смерти; и часто, не могши удержать сердечныхъ чувствованій, невольно со воздыханіемъ воспоминалъ о кончинѣ своей. Сіе ежечасное его пріуготовленіе къ исходу можно было видѣть изъ того, что онъ при всѣхъ отлучкахъ своихъ бралъ съ собою въ путь все нужное къ погребенію.

При обозрѣваніи Епархіи онъ не пропускалъ ни одного города и даже, по тракту, значительныхъ церквей, безъ того, чтобы не служить литургіи, и не поучать изустно народъ дѣланію заповѣдей Божіихъ. А особливо подтверждалъ Священно-служителямъ строго выполнять возложенныя на нихъ обязанности. По совершеніи службы посѣщалъ домы Священно-служителей, не рѣдко даже и причетниковъ.

Въ 1817 году при послѣднемъ прощаніи съ своею паствою, онъ предписалъ Благочиннымъ, чтобы каждый изъ нихъ собралъ всѣхъ имъ подвѣдомственныхъ Священно-и-церковнослужителей въ одинъ какой-либо храмъ, смотря по удобству, и объѣзжая оные храмы, простиралъ къ собравшимся поучительныя бесѣды до двухъ и болѣе часовъ. Трогательно было смотрѣть на таковыя духовныя собранія, гдѣ Архипастырь поучалъ пастырей и прочихъ сослужителей кротости, смиренію, терпѣнію и другимъ Евангельскимъ добродѣтелямъ; и какъ самъ учитель, такъ и слушатели заливались слезами отъ умиленія. Въ каждомъ благочиніи, по окончаніи поученія, разбиралъ предъ всѣмъ собраніемъ духовныя вѣдомости о качествахъ. И при семъ разборѣ благоискусный Архипастырь не опускалъ также случая къ душевному назиданію духовенства. Добраго поведенія Священно-и-церковнослужителей онъ ставилъ *одесную страну*, а худаго поведенія — *ошуюю*; добрыхъ благодарилъ, какъ вѣрныхъ слугъ и домостроителей Божіихъ, а худыхъ устыждалъ и приводилъ къ раскаянію,

устрашая судомъ Божіимъ. »Ежели вамъ, говорилъ онъ, »здѣсь на землѣ горестно стоять *ошуюю* предъ земнымъ пастыремъ и предъ своею собратіею, — столь малою горстію; съ какимъ же трепетомъ вы будете стоять ошуюю предъ грознымъ Судіею — своимъ Создателемъ и Искупителемъ, и предъ цѣлымъ свѣтомъ?« При семъ сильномъ и трогательномъ увѣщаніи всѣ, стоявшіе ошуюю, падали на колѣна, со слезами раскаявались въ своихъ худыхъ поступкахъ, и обѣщались впредь загладить свои вины добрымъ поведеніемъ. Добродушный Пастырь тутъже прощалъ ихъ, и утѣшалъ съ отеческое любовію.

Вообще сей кроткій Архипастырь ненавидѣлъ духъ приказничества, особенно въ духовныхъ начальникахъ, и даже въ равномъ ему санѣ, и духовное правленіе желалъ видѣть отеческимъ и миротворнымъ. Разныя тяжбы и вражды между духовными любилъ прекращать, въ отвращеніе бумажныхъ дѣлъ, увѣщаніями. Преслѣдовалъ и останавливалъ разные виды ябедъ, пронырствъ и хитросплетеній. Каждаго склонялъ, на основаніи Евангелія, къ уступчивости, миру и любви, прикрывающей недостатки ближняго. Неоднократно внушалъ консисторскимъ Членамъ, Настоятелямъ монастырей, Протоіереямъ и особенно Благочиннымъ, чтобы ввести сей порядокъ миротворства между своими подчиненными. Почему, составя изъ нихъ третейные суды, отсылалъ въ оные разнаго рода просьбы и жалобы для разобранія и полюбовнаго примиренія тяжущихся, на основаніи слова Божія.

За таковое кроткое и смиренное правленіе Преосвященный Михаилъ пріобрѣлъ себѣ имя добраго Архипастыря, отца, благодѣтеля и друга человѣчества. Всѣ исполнены были къ нему сердечной довѣренности, искренняго уваженія и сыновней любви, чуждой всякаго рабскаго страха и боязни. Вотъ примѣръ, каковыми подобаетъ быть носящимъ сей великій санъ. М.

КОНЧИНА МИХАИЛОВА.

(Письмо къ Редактору).

И я, какъ очевидецъ, почитаю долгомъ передать вамъ кое-что о покойномъ Новгородскомъ и С.-Петербургскомъ Митрополитѣ Михаилѣ, этомъ знаменитомъ и достойнѣйшемъ Іерархѣ, чего, впрочемъ, въ двухъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ издаваемомъ вами Москвитянинѣ, нѣтъ.

Разъ (это было, кажется, въ 1819 году), одинъ изъ образованныхъ свѣтскихъ людей при мнѣ между прочимъ сказалъ ему: »какое печальное извѣстіе пронеслось въ ученомъ мірѣ! Въ Германіи, какой-то ученый возсталъ на Новый Завѣтъ, написалъ сильное опроверженіе на Евангеліе отъ Іоанна и поколебалъ многіе умы въ понятіяхъ о Религіи Христіанской.« Выслушавъ сіи слова, Михаилъ улыбнулся; тутъ же глаза его заблистали, на щекахъ вспыхнулъ яркій румянецъ. Онъ началъ въ отвѣтъ говорить: »не бойтесь, не бойтесь! Врата адова не одолѣютъ Церкви. У ней есть Защитникъ и Покровитель, Который отвращалъ и отвратитъ всѣ напоры еретиковъ и вольнодумцевъ. Въ продолженіе слишкомъ 18 вѣковъ, отъ безумнаго Арія до безпутнаго Волтера и до нашихъ временъ, многіе возставали противъ Христіанской Религіи, но ни одинъ изъ нихъ не могъ не только поколебать, но даже убавить одной іоты отъ Закона; всѣ безумцы посрамлены, презрѣны, тогда какъ число вѣрующихъ во Іисуса Христа не умалялось и не умалится до кончины вѣка,« и проч. и проч. Эти мысли безподобно были имъ развиты и ихъ до гроба я не забуду. Это была едва ли не самая лучшая проповѣдь изъ всѣхъ его проповѣдей и бесѣдъ? Онъ говорилъ болѣе часа, и говорилъ какъ бы подъ наитіемъ Святаго Духа.

Нарисую вамъ портретъ Михаила, когда я его видѣлъ, въ три предсмертные года. Онъ былъ росту довольно высокаго; собою статный; волосы на головѣ черные съ большою просѣдью; борода окладистая, то

же съ просѣдью; глаза проницательные; лицемъ свѣжъ; на щекахъ горѣлъ нѣжный румянецъ; улыбка прекрасная; взоръ привѣтливый; рѣчь мягкая, ясная и простая. Впрочемъ, живописный портретъ его — не рѣдкость: имъ украшены залы многихъ учебныхъ заведеній и частныхъ лицъ.

Жизнь его, въ послѣдніе годы, какъ и всегда, была чужда всякой укоризны, а особенно въ это время отличалась дѣятельностію и благочестіемъ. Дѣла по Св. Сvноду, Коммиссіи Духовныхъ Училищь, управленію Епархіею и Александроневскою Лаvрою, почти не оставляли ему свободнаго времени. Сверхъ того онъ часто священнодѣйствовалъ: гдѣ бы и когда бы ни служилъ, онъ почти всегда утѣшалъ посѣтителей церкви Божіей назидательнымъ словомъ или бесѣдою, часто безъ приготовленія сказываемыми просто, ясно и убѣдительно. Его очень хорошо понималъ даже простой народъ; поэтому онъ всегда тысячами, особенно въ праздники, стекался въ Александроневскую Лаvру къ обѣдни, когда служилъ оную Преосвященнѣйшій Михаилъ, и, благословленный имъ, отходилъ съ миромъ. Этотъ фактъ подтвердитъ цѣлый Петербургъ. Во время служенія, благоговѣйный сей Архипастырь представлялъ изъ себя рѣдкое и умилительное зрѣлище, особенно во время призыванія Св. Духа на дары; это былъ подлинно Архіерей Бога Истиннаго. Къ нему Дворъ, знать, духовенство, чернь, словомъ, всѣ имѣли особенное и неограниченное уваженіе. Благотвореніе бѣднымъ было отличительною чертою его характера; потому онъ очень мало изъ тлѣнныхъ сокровищь оставилъ въ наслѣдство единственной своей дочери; за то завѣщалъ ей большое богатство добродѣтелей.

Смерть его сопровождалась разительными обстоятельствами. Напутствуемый Святыми Таинствами, онъ умеръ дня за три или четыре до дня Благовѣщенія (25 Марта 1820 года). Извѣстно было всему Петербургу, что онъ былъ болѣнъ. Я шелъ по монастырю, — вдругъ въ Лаvрскій колоколъ ударъ! немного спустя —

другой, — немного спустя — третій; — эти удары пробили послѣдній часъ земной жизни Михаила; бѣгу въ Митрополичій домъ; покойникъ еще не остылъ и будто заснувшій сномъ покойнымъ, посаженъ въ кресла: его облачали на вѣчный покой; облачили и положили на столъ. Началась панихида; когда Протодіаконъ возгласилъ вѣчную память усопшему, — вопль и рыданія огласили домъ Митрополичій и Лавру. Ему цѣлый Петербургъ три дня отдавалъ послѣднее цѣлованіе, какъ искренно любимому и уважаемому Архипастырю. Погребальная церемонія была самая трогательная. Народу стеклись тысячи, коихъ не могъ вмѣстить Соборъ Александроневскій: туда впущены были только высшіе Чины, Духовенство, академисты и семинаристы. Простой народъ наполнялъ монастырь. При отпѣваніи, извѣстнѣйшій доселѣ Русскій витія, Протоіерей Маловъ, своею надгробною рѣчью заставилъ плакать всѣхъ, кто ни былъ въ церкви. Плакали искренно — и молились объ усопшемъ. Изъ Собора понесли тѣло покойника, открытое, по алеямъ монастыря, для прощанія съ народомъ, его любившимъ; шествіе длилось нѣсколько часовъ: съ нимъ прощались на каждомъ шагу по нѣскольку сотъ человѣкъ, и плакали. Наконецъ, гробъ прибылъ на мѣсто, въ придѣлъ самимъ покойнымъ устроенный при церкви Благовѣщенія, гдѣ и опущенъ въ склепъ. Такъ жители С.-Петербурга проводили въ вѣчность Михаила, изрекая отъ искренности сердца вѣчный миръ Благовѣстнику мира!

Въ заключеніе скажу, что всякой благомыслящій пожелаетъ прочесть и имѣть полную Біографію сего знаменитаго Іерарха. Если бы кто выполнилъ это со всею истиною, тотъ воздалъ бы достойное достойному. Михаилъ, по всей справедливости, у насъ есть лице историческое.

Андрей Леопольдовъ.